

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ В трех соснах...

Казалось бы, давным-давно уже всем школьникам известно, какое отрицательное идейное воздействие оказали футуристы на молодого Маяковского. Кто станет теперь утверждать, что Бурлюк и Каменский были поэтами-трибунами, в чьих выступлениях слышится отзвук политических стачек? Кто умудрится увидеть глубокий социальный смысл в скандальных литературных дебатах футуристов? И, однако, такой заблудившийся в трех соснах человек нашлся. Не утаим его имя: это кандидат филологических наук Т. Резниченко.

В четвертом номере журнала «Радянська жінка» Т. Резниченко выступил с короткой заметкой «Друг украинского народа», где авторитетно просвещает читателей: «С Украиной Маяковский познакомился в 1912—1913 годах, когда впервые посетил ряд украинских городов — Киев, Харьков, Одессу, Полтаву, Николаев и др. Маяковский и его друзья — Бурлюк и Каменский — использовали всякую возможность выступить перед украинскими слушателями с докладами и чтением своих стихов, снятая непосредственный обмен мыслями с аудиторией спиченной обязанностью поэта-трибуна...»

Приезд молодого Маяковского на Украину содействовал обострению политической атмосферы. В выступлениях Маяковского и его товарищей слышался отзвук политических стачек, которые прокатились в то время широкой волной по всей стране. Маяковский начал агитацию за свержение существующего строя категорическим отрицанием растленного буржуазного искусства. Внешне чисто литературные дебаты поэтов-бунтарей имели глубокий социальный смысл. (Подчеркнуто нами. — Ред.)

Мало того. В порыве проницательного восторга Т. Резниченко серьезно уверяет, что, именно «вспоминая это время», Маяковский писал в 1927 году в стихотворении «Нашему юношеству»:

На сотни эстрад бросает меня,
На тысячу глаз молодежь.

Есть в статье и много других ошибок и неточностей.

Статья Т. Резниченко — пример работы небрежной, недобросовестной, халтурной.

В заключение стоит отметить, что журнал «Радянська жінка» является органом Украинского республиканского совета профессиональных союзов и Союза писателей Украины.

Фонд Н. Чернышевского

Недавно вышло в свет научное описание рукописного фонда великого революционера-демократа Николая Гавриловича Чернышевского. Фонд хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР.

В опись включены: романы «Что делать?» и «Пролог», многочисленные статьи и рецензии, рукописи неопубликованных семинарских и студенческих сочинений, переписка писателя, материалы к его биографии, а также документы о преследовании Н. Чернышевского царским правительством.

Работа по составлению описи была проделана старшим научным сотрудником архива К. Кирилленко (редактор — доктор исторических наук Б. Козьмин, консультант — профессор Н. Алексеев).

Юбилей Роуса Мизары

ВИЛЬНИУС. (Наш корр.). В Союзе писателей состоялся литературный вечер, посвященный шестидесятилетию со дня рождения прогрессивного литовского писателя и журналиста Роуса Мизары, проживающего в Соединенных Штатах Америки.

Р. Мизара еще юной эмигрировал в Америку в поисках счастья. Здесь он стал писателем. Его перу принадлежат много романов, пьес, рассказов. Лучшие из его романов — «Развод Мортви Вилькене» и «Повилас Юрка» недавно изданы в Литве. В своих произведениях автор остро разоблачает пресловутый американский образ жизни, ярко показывает крушение надежд простого человека.

Сейчас Роуса Мизара редактирует в США газету «Лайсе» («Свобода»), издающуюся на литовском языке.

КОГДА ты раскрываешь книгу

стихов Александра Яшина «Избранное» (Гослитиздат, 1954), в которую вошло то лучшее, что написал поэт за два десятилетия своей литературной деятельности. Кажется, что мы вступаем в обширный край, населенный множеством людей. Тут и зеленая молодежь, и старики, и бывалые воины, и трактористы, шахтеры, плотники, строители электростанций, знатные львоводы, мастера на все руки, рядовые колхозники. Кого-кого не встретим мы на страницах этой книги!

Поэт подчеркивает у них не только черты неповторимо индивидуальные, — и в этом сказывается острый, внимательный взгляд художника-реалиста, — но и нечто объединяющее его героев, внутренне роднящее их, слагающее в одну семью. Общее заключается здесь в чувстве хозяйской ответственности за все на свете, в хозяйском отношении к жизни. Это чувство, лишенное мелкобуржуазной, узкоэгоистической ограниченности, помогает росту нашего человека, развитию всех его способностей и дарований. И Яшин прежде всего стремится определить и выяснить, как это новое чувство сказывается в действиях наших людей, в характере их взглядов, интересов, влечений, в самом подходе к жизни.

Герои стихов Яшина показаны, как хозяйева жизни, и какую тему, какой материал ни затронул бы поэт, обычно он стремится уловить и запечатлеть, что изменилось во внутреннем мире и характере деятельности наших людей под влиянием этого качественно нового, хозяйского чувства, связанного с укреплением социалистических навыков и отношений.

Цикл стихов, посвященный нашим великим строителям и открывающий книгу «Избранное», называется «Советский человек». Этим поэт стремится подчеркнуть, что хоть он и говорит о стройках, привлекающих внимание всей страны, по главному делу него — не описание тех или иных эпизодов строительства самих по себе, а люди — творцы, создатели, энтузиасты.

Не напрасно мастер-плотник говорит застенчивым, но упорным ребятам, пришедшим на строительство:

Я такими дорожу,
Ничего, что с виду — дети...
Ну, пойдете, покажу
Ваше место на планете,

— и в этих шуточных словах заключена великая правда, ибо наши люди живут не узко личными интересами или сугубо домашним миром, а масштабами всей планеты, ощущая себя хозяевами своей страны и своей судьбы, активными участниками борьбы, всемирно-исторической по своему значению.

Новое, хозяйское, активно преобразующее отношение к жизни, присущее нашим людям, по-своему определяет весь мир их чувств и переживаний, казалось бы, и не связанных непосредственно с делами творчества и созидания, с борьбой за будущее. Оно по-своему воздействует и на семейные отношения наших людей, как это мы видим в стихотворении «Письмо родителей».

...Парторгу строительства приходило письмо от родителей одного молодого рабочего, который сам вызвался ехать на большую стройку, решил и людей посмотреть и себя показать, но, как сообщают с горечью старики,

...теперь вот письмо пришло.
Пишет Коля на три странички,
Что и трудно, и тяжело,
Да и холодно с непривычки,
Что театра нет под рукой,
Только камни да берег белый...

Получив это письмо, старики отвечают, не без ворчливости, сквозь которую прорывается их самоотверженная, а вместе с тем и требовательная любовь к сыну:

Мы в былые-то времена
О театрах не помышляли.
Ноне, видишь, какие стали:
Дай им сразу все да сполна...

Не могут они ценить и уважать тех людей, которым дай «сразу все да сполна» — не так они воспитаны! И в этих словах сказывается суровая мудрость людей, которые смотрят на жизнь, как на поле борьбы, а не как на арену утех и развлечений.

Так хозяйское отношение к жизни по-своему сказывается и в отношении семейных, придавая и самой родительской любви к детям особый характер — характер взыскательности, требовательности, способствующей воспитанию активных, деятельных натур, не боящихся трудностей и испытаний.

И любовь человека, ощущающего свою хозяйскую, творческую причастность к большим делам нашей эпохи, находит в этом новые источники для своего внутреннего развития и обогащения, как мы видим, например, в стихотворении «Поля Батраков». Сколько бы ни сделала Поля, все ей мало, — она так и рвется к работе, поглощенная одной заботой:

Что еще придумать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Любовь Поля делает более зрелыми и глубокими все ее чувства и переживания, даже и не связанные непосредственно с чувством любви, но заимствующие у него частицу огня.

Но, пожалуй, наиболее весомо и художественно-самобытно в творчестве Яшина произведения, посвященные деревне, причем не той деревне, которая верна старозаветным преданиям и отжившим обычаям деревни, а той, которая идет по пути колхозного строительства, все больше используя передовую технику, передовую науку, все ярче озаряясь электрическим светом. Ее люди, то новое, что появилось в их душевном мире, их судьбы, как творцов, новаторов, преобразователей природы, особенно близки поэту, им он посвятил наиболее проникновенные страницы своих книг.

Примечательно в этом отношении стихотворение «Конюх», — по существу, целая поэма, хотя и вставленная в небольшие рамки. В нем скупыми колоритными штрихами обрисован образ немноголюдного старика, награжденного медалью

ХОЗЯЕВА ЖИЗНИ

Борис СОЛОВЬЕВ

за честный, неуспынный труд. Не привыкший выступать на многолюдных собраниях, конюх не сумел членораздельно выразить переполняющие его чувства. Заслуженную им медаль он

Взял и сунул под армяк,
Да еще нахмурил брови,
Словно все ему не так
Да не внове.

«Приколол медальку надо! —
Зашептали деду все. —
Аль не по сердцу награда?»
Но старик не поднял взгляда.
«Ничего!» — сказал
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

И никто потом не заметил, выйдя с собрания, в сумраке, —

Как он борозд разглядел,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Под влиянием нахлынувших чувств он не может успокоиться и уйти домой, не высказав до конца всех своих мыслей, которые он, к крайнему своему огорчению, так и не сумел выразить на собрании. Зато теперь —

Вдоль конюшни от порога
Он шагнул — хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогая,
И для каждой хоть немного,
Хоть два слова, да сказал.

«Чур, меня не подводить! —
Молвил, глядя на гнездо. —
Вам за конюха такого
Бога надобно молить».

Словно вочую, мы видим этого молодого духом старика в потертом армяке, рыжебородого, с взлохмаченными бровями, похотливо всматривающегося и строго оглядывающего вверенное ему хозяйство.

Поэмы, включенные в книгу «Мать и сын» и «Алена Фоминя», также посвящены людям нашей деревни, их деятельности, их судьбам, их быту, и, пожалуй, именно в этих поэмах дарование художника раскрылось наиболее полно и многосторонне.

Образ Алены Фомини, подлинного колхозного вожака, человека большого внутреннего размаха, деятельного, решительного, деловитого, подмечен в самой жизни и очерчен уверенной рукой художника-реалиста. В Алене чувствуется богатая, многогранная, волевая натура. Она не страшится испытаний, умеет найти выход из любых положений и передат, ибо смотрит с вышки всего государства. Вот почему она видит, какие широкие перспективы открылись перед нашими людьми:

Вышли в море — надо плыть!
А иначе — что за счастье?
Никому при нашей власти
Не к лицу тихоней быть.

«Затирают!» — говорят.
Ты затри меня, попробуй —
Так отважу, что до гроба
Будешь сам себе не рад.

Вместе с тем следует отметить, что характер Алены, очерченный сильными и резкими чертами, не всегда обнаруживается со всею полнотой и определенностью. Порою слишком легко справляется Алена с трудностями, да и сами эти трудности оказываются подчас слишком легковесными. В их изображении автор проявил некоторую робость, стремясь избежать наиболее острых положений, глубоких конфликтов, что особенно бросается в глаза, если сравнить «Алену Фоминю» с более ранней и менее известной широко читателю поэмой Яшина «Мать и сын».

В поэме «Мать и сын» автор запечатлел один из драматических эпизодов эпохи коллективизации: овдовевший кулак Михайло, предвидя крушение всех тех устоев, на которых держалось его богатое хозяйство, мечущийся в поисках спасения от нависшей над ним угрозы, решил жениться на своей молодой батрачке Огрене.

Он помылил ее мيراжем сытой, зажиточной хозяйской жизни, о которой Огрена раньше и не мечтала, и Огрена, соблазненная этим миражем, слепо пошла вслед за ним. Только по названию жена, она, в сущности, стала рабыней Михайлы, безвольным орудием в его преступных руках, даровой рабочей силой.

Огрена живет у Михайлы, вся сжавшись в комочек, живет «воюя за свое», а вернее, за кулацкое добро, и сама логика этой борьбы, ее ход и характер определяют и перемены, происходящие во внутреннем мире Огрены. Поддавшись соблазну богатой, сытой, одиночной жизни, она все больше замыкается от людей, видит в них врагов и разрушителей ее мнимого благополучия. Она живет, словно в угаре, все более утрачивая подлинно человеческие чувства, и весь ее внутренний мир изображен в ломке, в движении, в переменах, происходящих под влиянием неведомых ей дотоле чувств стяжательства, скарденности, отчужденности от людей, растущей враждебности к ним. Раньше она завидовала всем, а теперь сама

Она завистников бояться стала.
Порою глухо по ночам стонала
И прощала. Проверила дверь:
«Жизнь!.. Кобелю домашнему не верь...»
Баб к своему колодцу не пускала.

Чужого пса бранила: «Чтоб ты слохи!»
Второй замок привесила к оградке...

Так перед нами раскрывается внутренний мир Огрены — в его самых глубоких тайниках, самых неприметных на взгляд постороннего человека движениях, но они не могут ускользнуть от зорких и внимательных глаз ее односельчан и ее сына, который с горестным изумлением видит эти страшные перемены, искажившие облик дорогого для него человека.

Перед нами возникает образ матери, выписанный в поэме Яшина пластически

зримо, осязаемо, в суровых, скорбных тонах. Кажется, мы видим каждую морщину на ее лице, каждую складку ее одежды, каждую морозу на ее натруженных руках. Этот образ выпестован и в любящем и в беспощадном сердце художника, которому, чувствуется, Огрена дорога, как родная мать. В его душе острой болью отзываются все ошибки и заблуждения Огрены, от которых прежде всего страдает она сама — вечная труженица.

В поэме «Мать и сын» показано, что правда новой жизни, нового колхозного строя рождалась не в идеальном согласии всех людей, хотя бы социально и близких друг другу, а в спорах, расприх, жестоких схватках. Поэма эта заставляет о многом задуматься своего читателя и многое пережить, помогает услышать поступь истории в одном из трагических эпизодов эпохи коллективизации сельского хозяйства.

Впрочем, последние строки, завершающие мучительный, жалкий и скорбный путь Огрены, кончающей жизнь самоубийством, придают поэме новый смысл, новое звучание, глубже раскрывают перед нами все события.

Старый друг Огрены — Петр Валов, бывший батрак, по прозвищу Долог-Топок, вместе с нею проливавший некогда пот на чужих полях, а ныне колхозник, чувствующий себя полноправным хозяином всех этих полей и угодий, произносит свой, уже окончательный и не подлежащий обжалованию приговор и над Огреной и над людьми, оказавшимися свидетелями ее гибели:

Отбилась баба от людей. С тоски
И жизни не в жизнь...
А мы не отстояли.
Давайте ж хоть скороним по-людски.

На этих словах Яшин обрывает поэму, и тем большим смысл — смысл итоговый вывод — приобретают они.

И действительно, разве люди, знавшие Огрено с самых малых лет как вечную, неустанную труженицу, не могли отстоять ее живую душу, сохранить для новой жизни, не знающей ни обид, ни унижений, от которых устала Огрена?

Так повесть о том, как кулак опутал и погубил свою очередную жертву, становится и повестью о внимании к людям, о том, чтобы активнее, деятельнее, решительнее бороться за каждую живую душу.

Против равнодушия, против безразличия к судьбе человека, так же как и против мелкобуржуазных пережитков прошлого в сознании наших людей, направлена поэма «Мать и сын», и в этом — ее живое и поныне злободневное значение.

Если от этой поэмы вернуться к «Алене Фомини», то становится очевидным, что при всех ее достоинствах автор порою смягчает трудности и сглаживает противоречия реальной действительности.

Конфликт между Фомининой и недавним фронтником Николаем Козловым развертывается не столько в области тех жгуче важных отношений, от которых зависят судьбы людей, характер их деятельности, сколько в плоскости умозрительной, порою несколько отвлеченной. Фоминя стоит за прогресс во всех областях жизни и творчества, а Николай отстает покой и тишину, вернее, идею покоя, от которой в согласии с волей автора и сам впоследствии сплест отделиться.

Таким образом, основной и к тому же недостаточно глубокий конфликт оказывается полностью исчерпанным к общему благополучию, в связи с чем и заключительные главы поэмы приобретают излишне идиллический характер. Изображенная в конце поэмы картина всеобщего благодушия воспринимается читателем, как ненужная восторженность, чуждая духу жизненной правды.

Творчество А. Яшина отличается актуальностью, злободневностью, непосредственностью вмешательства в жизнь, но нередко оперативность и злободневность отклика оборачиваются хроникой, протоколом, излишней торопливостью, а стало быть, и незрелостью художественного замысла; верность жизненным фактам и реально наблюдаемым явлениям — поверхностным описанием, безглой зарисовкой, не раскрывающим существа и характера затронутых событий; большие обобщения и выводы — риторической фигурой, заранее заготовленной фразой, и это лишает иные произведения Яшина художественной весомости.

Но всегда у поэта хватает и чуткости, проникновенности, когда нужно выразить всю сложность и противоречивость душевных переживаний, смятенно любовных чувств, в которых не так-то легко разобраться. Вот почему в любовной лирике Яшина сила и размах живого, доподлинного переживания подчас подменяются громкой фразой, искусственным преувеличением или названным чудачеством.

Так, стремясь подчеркнуть романтические черты в характере девушки, которая «вся — сказка», «вся — песня», поэт говорит в подтверждение этого:

Домой везешь цветные гальки с моря,
А чемодан теряешь по пути...

Но потеря чемодана свидетельствует скорее о бесположестве девушки, чем о ее романтических качествах, и сама по себе никак не может напомнить о мире песен, сказок, романтики.

А когда поэт говорит:
...если б сегодня встретились мы,
Такое бы совершили,
Что, может, и не было б вовсе тьмы
И солнце бы не садилось!

— то такие риторические преувеличения скорее свидетельствуют о пристрастии к громкой фразе, чем о силе живого чувства.

В преодолении такого рода недостатков, в большей заботе о художественной безупречности своих произведений — залог дальнейшего творческого роста Александра Яшина, в стихах которого находят свое самобытное выражение существующие черты характера и облика нашего человека, — хозяйина жизни, хозяйина своей судьбы и своей страны.

Н О В Ы Е К Н И Г И

Артюхов П. А. П. Чапыгин. Критико-биографический очерк. Архангельское книжное издательство. 175 стр. Цена 2 руб. 85 коп.

Долматовский Е. Избранное. Гослитиздат. 480 стр. Цена 10 руб. 25 коп.

Достоевский Ф. Село Степачиково и его обитатели. Из записок неизвестного. Гослитиздат. 215 стр. Цена 2 руб. 30 коп.

Келлерман Б. Девятое ноября. Пляска

смерти. Перевод с немецкого. Гослитиздат. 692 стр. Цена 15 руб. 90 коп.

Лиходеев Л. Своими глазами. Стихи. «Советский писатель». 108 стр. Цена 2 руб. 15 коп.

Панков В. Советская действительность в изображении М. Горького. «Советский писатель». 254 стр. Цена 6 руб. 10 коп.

Смирнов В. Саша Чекалин. Повесть. «Молодая гвардия». 319 стр. Цена 7 руб. 65 коп.

Хелемский Я. Встречи друзей. Стихи. «Советский писатель». 180 стр. Цена 3 руб. 10 коп.

Шухов И. Покорители целины. Очерки. «Молодая гвардия». 120 стр. Цена 1 руб. 80 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 69 11 июня 1955 г. 3